

Максим Семеляк

Значит, ураган

Егор Летов: опыт
лирического исследования

Individuum
Москва, 2025

УДК 821.161.1
ББК 78.071.2
СЗО

Семеляк, Максим Анатольевич.
СЗО   Значит, ураган. Егор Летов: опыт лирического исследования /
Максим Семеляк. — М.: Individuum, Эксмо. — 256 с.: ил.

ISBN 978-5-6046119-2-0

Максим Семеляк — музыкальный журналист и один из множества людей, чья жизненная траектория навсегда поменялась под действием песен «Гражданской обороны», — должен был приступить к работе над книгой вместе с Егором Летовым в 2008 году. Планам помешала смерть главного героя. За прошедшие 13 лет Летов стал, как и хотел, фольклорным персонажем, разойдясь на цитаты, лозунги и мемы: на его наследие претендуют люди самых разных политических взглядов и личных убеждений, его поклонникам нет числа, как и интерпретациям его песен. «Значит, ураган» предлагает взгляд с близкой дистанции и ответы из первых рук; это книга о личных отношениях с ГО и ее вожаком, а заодно и об истории любви и ненависти постсоветского мира к неуклюжему человеку в очках. Отношения с природой и соседями в Омске, союз с Эдуардом Лимоновым, предчувствие смерти, первые зарубежные гастроли, вещества, футбол, революция, непрерывный поиск вдохновения и твердая манера управлять коллективом. На страницах книги Семеляка Летов предстает живым человеком: смешным, буйным и неразгаданным.

ББК 85.318
УДК 78.071.2

© Максим Семеляк, 2021
© Наталья Чумакова, фото на обложке, 2021
© ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-6046119-2-0

Individuum®

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	9
1. Красково-83	13
2. Перегиб и парадокс	19
3. Пересадка на все оставшиеся времена	35
4. Русский прорыв	39
5. Казус Ростовского, или Такое ВАОМ	71
6. Бисер перед стаей свиней	79
7. Про любовь («Кровавым папой нас накрыла сивой лапой»)	97
8. Исход девяностых, или Сносная тяжесть небытия	103
9. Берг	119
10. Детский мир	129
11. Армагеддон-попс нулевых	137
12. Диски на полках	151
13. Сны в «Гробу»	163
14. Уничтожай таких, как я	177
15. Трудности перевода, или Everything is going according to the plan	195
16. Мешать деревьям стоять на месте	205
17. Сияние	215
18. Что-то вроде Гурова	223
19. Когда я умер, не было никого	233
20. В небо по трубе	247

Будет эпоха великого радостного все постигающего возврата... но чтобы скорее дожить до этого дня, дальше и дальше надлежит идти, а не оборачиваться вспять, отступление бы только замедлило замкнутие кольца вечности.

Вяч. Иванов

Однако эта музыка, теряя всякую мелодию и переходя в скрежещущий вопль наступления, все же имела ритм обыкновенного человеческого сердца и была проста и понятна тем, кто ее слушал.

Андрей Платонов

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга должна была быть написана в 2008 году и выглядеть совершенно иначе. В феврале того года «Гражданская оборона» завершила продолжительный гастрольный тур с альбомом «Зачем снятся сны». Егор Летов переехал в новую квартиру в Омске, немного пришел в себя и расставил диски по полкам. Мы давно уже собирались заняться некоей книжной историей, задумав большой сборник бесед обо всем на свете, включая диски на полках. Были определенные предварительные соображения, что-то мы даже записали во время моей первой поездки в Омск, но как-то все это глобально не могло начаться. 16 февраля он позвонил и сказал, что сейчас самое время взяться за книгу. Предложил, чтоб я поскорее приехал в Омск на сколь угодно долгий срок. «Заодно и про Янку все расскажу, как оно все на самом деле было, вот», — многозначительно добавил он на прощание. 19 февраля Летов умер во сне.

С той поры поступало немало предложений сочинить что-то на тему Егора и ГО, но я всякий раз отбрыкивался. Изначальная и единственная идея состояла в том, чтобы писать книжку С Летовым, а не ПРО него. Вынужденная смена ракурса представлялась мне несколько вероломной.

Почему вдруг теперь, 13 лет спустя, я взялся за эту историю? Мне приснился сон, в котором Летов со своими характерными задиристо-уклончивыми интонациями высказал мне примерно следующее: «Сколько можно копить и держать

в себе? Ты уже старше меня самого, довольно ждать подсказок, все твои вопросы — они же и есть ответы, просто убери из них вопросительный знак, что тут вообще непонятого?»

Гёте, как известно, рекомендовал не рассуждать о том, что когда-то произвело на тебя сильное впечатление. Это определено мой случай с «Гражданской обороной». Поэтому я стараюсь описывать не столько само явление, сколько тот исключительный эффект, который оно в свое (в мое) время производило на распахнутое с юности сознание и, судя по некоторым признакам, продолжает производить.

Это не биография ни в малейшем смысле, а скорее попытка документального, местами слегка клинического свидетельства того, как жизнь способна меняться под влиянием набора песен. В рамках обостренной документальности я решил соблюсти принцип своеобразной догмы и говорить только с теми, кого непосредственно довелось встречать в последние тридцать лет. Иными словами, в этой книжке нет ни одного постановочного интервью.

Песни и стихи Егора Летова постепенно становятся предметом академического исследования. Его имя всплывает в контекстах, столь далеких от былой матерно-низовой славы, что впору усомниться в его подрывном погано-молодежном статусе: о нем все чаще рассуждают в терминах фоносемантики и теологии. Эта книжка, конечно, тоже грешит разными раскидистыми аллюзиями, и все же я стараюсь напоминать о том, что речь идет в первую очередь о панк-группе — пусть сколь угодно содержательной, перегруженной смыслами и переросшей свой стиль. Точнее, повторюсь, не о группе как таковой, но о психическом потрясении, вызванном ею, а в такой ситуации любой внутренний опыт обладает равной ценностью со сколь угодно тщательной статистикой и фактографией. В силу своего панковского происхождения эти внутренние опыты могут отличаться изрядной степенью помраченности.

Вот, например, типичный разговор со старым рок-н-рольным товарищем: «Ты был на том знаменитом концерте в МЭИ в феврале 1990 года?» Ответ: «Был». Я: «И?» Он: «Смутно помню, пил из горла с кем-то, то ли с Колей Рок-н-роллом, то ли с гитаристом Летова. Потом уснул в гримерке. На меня накидали кучу одежды. Я проснулся и пошевелиться не могу. Подумал, всё, пиздец, я помер и в аду. Вокруг голоса глухие раздаются. Я попытался заорать, типа помогите. Где-то минут через пять меня откопали и ржали еще минут пятнадцать. В итоге я вылез, мне налили... и провал снова».

В этой книге достаточно подобных провалов — она напоминает коллаж, вроде тех, которыми Летов украшал свои пластинки. Драматического писателя, как известно, следует судить по законам, им самим над собою признанным. Что ж, Е. Л. — писатель, несомненно, драматический, а когда его упрекали в определенных нестыковках или коллажной же подтасовке фактов, он любил повторять: «Зато так красивее». Пожалуй, этот принцип и лежит в основе книжки — учитывая, что красота в понимании Егора Летова всегда меняет явки, всегда остается красочно непонятной, всегда бежит далеко-далеко, без оглядки далеко-далеко.

И провал снова.

1. КРАСКОВО-83

Еще была чистая река, которая текла, никого не таясь и так стремительно, словно дело происходит в высокогорной местности. В детстве я особенно любил один дикий отрезок русла: если пойти вверх по реке (течет она с севера на юг) в правую сторону от пляжа, то метров через триста обнаруживалось место, где дно густо заросло водорослями и они вились, как волосы утопленницы. Зачарованный трепетом подводной травы, тогда, в 1983-м, я еще не догадывался, что утопленниц сплошь и рядом называют Офелиями — в картинах, драмах и даже песнях. Мне было ведомо только имя речки — Пехорка. Течение в ней всегда было довольно ураганное. Мой старший товарищ Борис Николаевич Симонов, хозяин пластиночного магазина «Трансильвания», рассказывал потом, как в детстве, летом 1960 года, тонул в Пехорке: «Тонул, но спас замминистра какого-то строительства, Николай Иванович, муж сестры моей бабушки. Как раз в день запуска на орбиту собачек — Белки и Стрелки, после моего дня рождения. Подарок не удался. Помню, как на дне я смотрел вверх и видел дрожащий сквозь толщу воды солнечный диск. И было так хорошо и спокойно... Но выдержули, пришлось заниматься черт знает чем следующие 59 лет».

Тема ухода с поверхности вообще характерна для этих мест — существовало, в частности, предание, что один из здешних прудов образовался, когда церковь со всем священнослужительским персоналом провалилась под землю

прямо в процессе обряда венчания. Пехорка протекает через поселок под названием Красково. Родители снимали здесь одну и ту же дачу, у железной дороги, каждое лето с конца 1970-х и примерно до прихода Горбачева. Посреди участка росла большая голубая ель, а старый запущенный дом с запыленным солнечным чердаком окружали кусты смородины и колонии рыжих муравьев.

Красково — место с историей: тут проживали Чехов, Горький, Гиляровский, а в 1919 году группа из семи анархистов совершила самоподрыв на одной из дач. С 1961 года — ровно после инцидента с тонущим в реке Симоновым — Красково получило статус поселка городского типа.

В прохладное андроповское лето 1983 года по моим детским меркам ничего сокрушительного не происходило: по телевизору показывали шведский мультфильм про Бамси, самого сильного медведя в мире, и в который раз крутили «Четырех танкистов и собаку». Мама ездила с дачи в Москву на кинофестиваль смотреть фильм «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю» с Альберто Сорди и Моникой Витти. В дождливые дни слушали «Римскую империю времени упадка» Окуджавы, а вечерами смотрели фильм «Карусель» с Нееловой и Будрайтисом. На участке росли орехи и вишни, в подвале жила значительных размеров крыса — иногда она выходила на кухню. Возле Пехорки пасся огромный бык, которого почему-то называли Мишкой. Я носился по берегам и полянам с самодельным сачком в поисках бабочек. Их в Красково было не то чтоб много, поэтому я в основном штудировал тяжелый чешский том «Иллюстрированной энциклопедии насекомых», на фоне которого энтомологический материал Подмосковья казался бледной копией жизни. Но в том году мне удалось поймать довольно редкую для этой местности переливницу. К нам на участок залетел пчелиный рой, и бабочка, покружив немного, уселась прямо на него. Чтоб не растревожить пчел, я попробовал аккуратно

зачерпнуть ее сачком, но вышло слишком неловко, и я сломал ей крыло.

Недалеко от реки, на песчаном косогоре, поросшем соснами, располагалась пивная. Я изредка заходил туда в компании разных заезжавших погостить взрослых, чтобы получить неоценимые части воблы — икру и пузырь. Больше минуты я был не в состоянии там провести, пивная казалась мне чем-то нереальным, вратами в неизбежный ад будущей жизни — просоленный, кисло-пропитой, чудовищно душный и тем не менее смутно желанный.

Немецкий теоретик и утопист прошлого века Эрнст Блох, создатель так называемой философии надежды, оперировал, в частности, категорией «еще-не» и в качестве пояснения одной использовал как раз образ пивной: мы должны жить предвкушением такой пивной, которая еще даже не построена. В ожидании подобной постройки мы пока пребываем в режиме малых дневных мечтаний (*kleine Tagträume*). Дневная мечта заведомо шире ночной грезы, так как напрямую открыта миру и, кроме того, лишена назойливых психоаналитических двусмысленностей. Малое дневное мечтание о лучшей и высшей жизни сопряжено с состоянием рассвета — это движение из вечерних сумерек в утренние, туда, где нас поджидают настоящие бабочки, ну и залитая лучами солнца пивная на песчаном холме. (Немцам той эпохи вообще свойственно использовать алкогольные образы; так, Хайдеггер утверждал, что научное принуждение состоит в том, чтобы отказаться «от наполненной чаши вина» и поставить на ее место полое пространство.) Кроме того, дневной мечтатель, по Блоху, не одинок, он ищет других таких же, так как его мечта может передаваться им. Блоховская философия надежды предполагает, что всё главное не в начале, а впереди; рай не бывает потерянным, но только обретенным; мы никогда не должны возвращаться и оборачиваться, но только идти вперед по течению реки в некое другое и будущее Красково, где, наверное,

вообще не надо будет помирать. «Мы живем из самих себя наружу» — так писал Эрнст Блох.

В том же 1983 году в Краскове, у своего старшего брата Сергея, жил Игорь Летов, который через год соберет группу под названием «Гражданская оборона» и еще до конца этого десятилетия успеет популярно объяснить в масштабах всей страны, что значит жить из самих себя наружу — «извне», «снаружи всех измерений», «сквозь дыру в моей голове», etc. Летом 1983 года ему было 18 лет. Мне, соответственно, восемь (у нас дни рождения в сентябре с разницей в пять дней). По свидетельствам Гиляровского, в конце XIX века Красково имело репутацию места вполне разбойничьего и особо отличившихся высылали с берегов Пехорки в Сибирь — так что пребывание здесь Летова можно считать иронической инверсией. Кроме того, если верить опять же Гиляровскому, Чехов написал «Злоумышленника», наслушавшись рассказов красковского мужика, который действительно свинчивал гайки с железной дороги, мало заботясь дальнейшей судьбой проходящих поездов. Этим событиям вполне вторит прямодушный летовский стих: «Ротовым отверстием издавайте протяжные звуки поезда, который устал от ржавого здравомыслия рельсов, поезд с моста пиздык!» «Справедливое наказание за прогулку по трамвайным рельсам» тоже, в общем, не лишним будет упомянуть.

Я всегда пытался понять, в какой момент все стряслось и сработало. Моя история отношений с музыкой «Гражданской обороны», в общем, совершенно типическая, подобных опытов, очевидно, тысячи: когда тебе 15 лет и на фоне вконец расшатанного государства тебя вдруг накрывает из магнитофона столь необузданным криком, матом и панком, словно всё вокруг вообще в последний раз, — тут устоять сложно. Но мне всегда казалось, что организм к этому крику, мату

и панку был как будто подготовлен заранее — и дело тут не в перестроечной хаотичности, не в пубертатной восприимчивости, не в картинном андеграунде, не в общем запределе-беспределе и уж точно, как выразился бы другой автор, не в старом фольклоре и не в новой волне (а Летов, в общем, воздал изрядное должное последним двум жанрам).

Я думаю, для меня все началось с тех самых дневных ожиданий в Краскове. Едва ли бы столь проникновенный (и, главное, до сих пор обновляющийся) культ, какой почти сразу возник вокруг фигуры Егора Летова, мог быть обусловлен исключительно музыкальными фантазиями, метафизическими выкладками и разного рода историческими совпадениями. Вероятно, причина в том, что Летов работал с куда более глубинными и досрочными обязательствами: подноготный атавизм панк-рока и прочие шумные формальности — это более поздние наложения. Корни «Гражданской обороны» и ее амбулаторных миражей («Детский доктор сказал: „Ништяк“») уходят куда-то в дорок-н-рольную почву, к первичным огорчениям и безвинному гневу. Впрочем, апелляция к детству — это слишком затасканный метод; интереснее думать в другую сторону. О том, как энергия «Обороны» работает в построк-н-рольном режиме, когда активная фаза обожания давно пройдена по обычным возрастным резонам. Я помню свою реакцию на альбом «Мышеловка» в 16 лет — но в 46, когда вроде бы отпали все необходимые реалии и порывы, я по-прежнему на нее реагирую, и не факт, что моя новая реакция слабее. Тридцать лет назад эта «Мышеловка» была мне скорее велика — теперь, пожалуй, маловата, но суть в том, что ее агитация до конца не выветривается. С годами она как будто принимает новую, не вполне еще осознанную форму, и дневные мечтания становятся больше похожи на сумеречные реминисценции. Егор Летов подхватил и озвучил вещи, которые не с панка начались и не криком «хой» закончатся. С этой орбиты не соскочишь (может быть, и к сожалению)

в силу возраста или тотальной смены жизненных декораций. Поэтому его советскую популярность нельзя списать на момент времени, равно как и нынешнюю востребованность — на некую общую ностальгию по подлинности. «Просто все уже было», — раздраженно вопил он сам в 1990 году, но не предупредил тогда, что это работает и в другую сторону: просто все еще будет, подобно тому как задолго до всякого панк-рока существовала железнодорожная станция под названием Панки, которую непременно проезжаешь на электричке из Москвы в Красково или наоборот. И будет, по некоторым ощущениям, существовать впредь.

В 1983 году наш поселок не отличался особой плотностью населения, людей было едва ли больше, чем бабочек. И мне теперь кажется, что то ли у пивной, то ли на берегу вихревой Пехорки, то ли на станции я мог встречать странного молодого человека в очках, смахивающего на одного из тех анархистов, что взорвали себя на даче. Воспоминание, конечно, смутное, как дрожащий сквозь толщу воды солнечный диск над Пехоркой. Ну да что теперь сомневаться — конечно, я видел его. Просто все уже было. Сломанное невзначай крыло переливницы вполне по науке обязано было привести к урагану в совершенно иной сфере.

Совсем недавно я узнал, что Игорь Летов тоже собирал в детстве бабочек.

2. ПЕРЕГИБ И ПАРАДОКС

Весной 1989 года довольно обыкновенный одноклассник выдал мне кассету — чуть ли не с «Наутилусом Помпилиусом». На ней оказалась обрывочная, в минуту максимум, дописка, где кто-то надрывно стenal про свою оборону, траурный мячик и солнечного зайчика. Запись была не то что даже плохая — она находилась по ту сторону музыки и являлась скорее предметом физики, которую нам в тот год приходилось изучать, что-то непонятное из области неравномерных амплитуд и кривизны волнового фронта. Больше похоже на учебную тревогу, нежели на песню, — иначе говоря, это действительно казалось настоящей гражданской обороной, хотя я и не знал тогда имени группы. Много лет спустя Егор обмолвился мне, что не любит неподписанные кассеты и диски, чувствуя в анонимности музыки какую-то опасность. Я в тот день рассудил примерно так же и, возвращая хозяину кассету, не стал уточнять, кто автор рокочущей анонимки. С тех пор жалею, что не спросил, потому что этой концертной записи я больше нигде и никогда не встречал; меж тем там была зафиксирована, пожалуй, лучшая версия песни «Моя оборона».

Второй раз я услышал Летова несколько месяцев спустя — три панических песни подряд. На сей раз кассета шла с опознавательными знаками Г. и О., и все права, что называется, были защищены. У меня же защиты против этой тройки — «Оптимизм» (в электрическом варианте), «Я хочу умереть молодым» и «Попс» — не оказалось. Вещи, в общем,

не самые визитные, но мне хватило. Каждая производила впечатление листовки пополам с частушкой — коротко и вечно. Больше всего понравилась фраза «Я желаю стать стаей грачей» и сучковатый бас восьмьюми длительностями в начале «Оптимизма» (ровно как Майкл Аллен играл в составе постпанк-группы Mass в песне про капусту, о чем я узнал через много лет). Потом мне попались «Некрофилия» (ах, вернуть бы то первое детское ощущение от незабвенного смешка-огрызка изначальных секунд), «Хорошо!», «Хроника пикирующего бомбардировщика» и акустика «Русское поле эксперимента», после чего я окончательно уверовал и причастился.

На парте и прочих поверхностях я предпочитал писать аббревиатуру ГО (нежели ГрОб) — так оно скорее звучало как название игры, и, кроме того, такая татуировка была на руке у героя любимого мной тогда аксеновского шахматного рассказа «Победа».

При всем формальном раздразе эта музыка не походила на ту, что держится на чистом энтузиазме. В ней чувствовалась еретическая катакомбная строгость, да и сам Егор Летов был похож на бесноватого кюре — по крайней мере на фото, которое я вырезал из крайне прогрессивного тогда журнала «Сельская молодежь»: мощный начес, взгляд куда-то вниз и вбок, квадратные, семинаристского вида очки — это изображение для меня стало куда более иконическим, нежели общеупотребительная картинка с колючей проволокой из журнала «Парус». Призыв «О-о-о, пошли вы все нахуй» звучал больше как некая молитва непереносимости, нежели как бытовое проклятие. Злоупотребление погребальной фактурой тоже говорило скорее в пользу предположительно религиозных настроений коллектива — подобно тому как днем памяти святого считается день смерти, а не рождения. «Гражданская оборона» была своего рода реформацией (как известно, Мартин Лютер придумал свои тезисы в клоаке — в этом смысле